

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Под редакцией Л. Л. Касаткина

Допущено

*Министерством образования и науки Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Филология»*

УДК 800.87+808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-67я73
Р892

Авторы:

*С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова, К. Ф. Захарова, Л. Л. Касаткин,
И. Б. Кузьмина, О. Н. Мораховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова, О. Г. Ровнова*

Рецензенты:

кафедра общего языкознания Московского педагогического государственного
университета (зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор
И. Г. Добродомов);
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского
языка им. В. В. Виноградова РАН *В. Б. Силина*;
кандидат филологических наук *Е. М. Сморгунова*

Утверждено к печати Ученым советом Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш.
Р892 учеб. заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова
и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. — М.: Издательский центр
«Академия», 2005. — 288 с.

ISBN 5-7695-2007-8

В учебнике рассказано об основных явлениях, закономерностях, на-
блюдаемых в фонетике, словообразовании, морфологии, синтаксисе и лек-
сике современных русских говоров, приведены сведения по группировке
русских говоров. В книге помещены диалектологические карты, рисунки,
фотографии, помогающие усвоить теоретические положения.

Для студентов филологических факультетов высших учебных заведений.

УДК 800.87+808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-67я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

ISBN 5-7695-2007-8

© Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др., 2005
© Издательский центр «Академия», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная задача учебника «Русская диалектология» — познакомить студентов с одной из разновидностей общенародного русского языка — русским диалектным языком в его современном состоянии, дать описание его системы и показать группировку русских говоров. В ряде случаев в учебнике приводится исторический комментарий, позволяющий увидеть современные явления на фоне языковых процессов прошлого, а также показаны те процессы, которые идут в говорах в настоящее время. Поэтому студенты и преподаватели могут использовать материал учебника также в курсах «Историческая грамматика русского языка» и «Современный русский литературный язык».

Русские говоры, хотя и испытывают влияние литературного языка, сохраняют свою специфику, которую должен знать учитель-словесник, работающий в диалектных условиях. Данный учебник может быть использован в качестве справочника и руководства в такой работе.

Учебник «Русская диалектология» должен служить основой и в работе, ведущейся в университетах и педуниверситетах по изучению говоров родного края. Преподаватели и студенты найдут в нем богатый материал для описания диалектного ландшафта своей области (края), выделения групп говоров и выяснения их истории, изучения диалектных черт в городском просторечии и в речи местной интеллигенции.

При изучении русской диалектологии в университетах и педуниверситетах теоретический материал, изложенный в учебнике, должен закрепляться при анализе диалектных текстов и выполнении специальных упражнений. Поэтому вместе с учебником и в соответствии с ним выходит: Русская диалектология: Учебное пособие для практических занятий / Под ред. Е. А. Нефедовой. В курсе «Русская диалектология» может также использоваться работа: Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. — М., 1999. К этой книге прилагаются магнитофонные кассеты с теми же звучащими текстами, которые расшифрованы и прокомментированы в хрестоматии. Таким образом, студенты могут не только читать тексты в транскрипции, но и слышать их реальное звучание.

В конце каждого раздела учебника приведен список дополнительной литературы, которая включает основные работы по дан-

ной тематике, вышедшие за последние десятилетия. Издания областные, малотиражные, а также вышедшие в XIX—начале XX в., практически недоступны для большинства студентов, поэтому они не включены в библиографические списки. В каждом вузе преподаватели, ведущие курс «Русской диалектологии» и проводящие диалектологическую практику, могут дополнить эти списки литературой, имеющейся в библиотеках города.

Учебник отражает достижения русской диалектологии за последние десятилетия. Он написан в соответствии с программами по курсу «Русская диалектология», принятыми в большинстве университетов России. Впервые в учебник по русской диалектологии введены глава «Словообразование» и раздел «Русские диалекты в свете языковой политики».

Учебник подготовлен коллективом диалектологов Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН. Все они (за исключением О.Г.Ровновой) принимали непосредственное участие в создании «Диалектологического атласа русского языка», данные которого положены в основу учебника. В числе авторов также доцент МГУ им. М.В.Ломоносова О.Г.Гецова. Учебник написан с позиций Московской лингвистической школы, Московской школы лингвистической географии.

Авторами глав и разделов являются: С.В.Бромлей — «Диалектные различия в морфологии», «Глагол», кроме раздела «Категория вида и способы глагольного действия» и раздела «Причастие и деепричастие», «Лингвистическая география»; Л.Н.Булатова — «Введение», кроме раздела «Русские диалекты в свете языковой политики», «Имена», «Современные морфологические процессы в русских говорах»; О.Г.Гецова — «Словообразование»; К.Ф.Захарова, В.Г.Орлова — «Диалектное членение русского языка», кроме § 182, 189; Л.Л.Касаткин — «Русские диалекты в свете языковой политики», «Фонетика», § 182 «Архангельская (Поморская) группа» и § 189 «Донская группа»; И.Б.Кузьмина, Е.В.Немченко — «Синтаксис»; О.Н.Мораховская — «Лексикология и лексикография»; Е.В.Немченко — «Причастие и деепричастие»; О.Г.Ровнова — «Категория вида и способы глагольного действия».

ПРЕДМЕТ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

§ 1. Литературный язык и диалекты. Диалектология — это наука о территориальных разновидностях языка (диалектах). Термин «диалектология» происходит от греческих слов *dialektos* ‘разговор, говор’ и *logos* ‘понятие, учение’.

Помимо литературного языка, в принципе единого для всех говорящих по-русски, существуют и другие разновидности русского языка, употребление которых ограничено определенной социальной средой (профессиональные языки, жаргоны) или определенной территорией (народные говоры). Первые называются социальными диалектами, а вторые — территориальными диалектами (или просто диалектами), а также говорами.

Диалекты следует отличать от просторечия. Просторечие — это разговорный язык людей, не владеющих литературными нормами, но не ограниченный определенной территорией.

Социальные диалекты имеют свои лексические особенности, но у них нет своей фонетической и грамматической системы. Фонетика и грамматика социальных диалектов не отличаются от системы литературного языка или говоров, ответвлениями которых они являются.

Территориальные диалекты, как и литературный язык, имеют свою фонетическую и грамматическую систему и могут, следовательно, служить для говорящих на этих диалектах единственным средством общения. Поэтому территориальные диалекты (в дальнейшем изложении — диалекты) вместе с литературным языком являются основными разновидностями русского языка. Эти разновидности во многом противоположны друг другу.

Различие между диалектами и литературным языком заключается не только в территориальной приуроченности диалектов и внетерриториальности литературного языка, различаются они и по своим функциям. Литературный язык — это язык государственности, политики, науки, искусства — словом, язык культуры. В своей особой форме он является также бытовым языком образованных людей. Диалекты служат разговорным языком

преимущественно сельского населения. На диалектной основе создаются также произведения фольклора.

С различием функций связаны и другие различия литературного языка и диалектов: 1) литературный язык имеет и письменную и устную формы, а диалекты — только устную; 2) литературный язык имеет строго обязательные нормы, которые отражены в учебниках по русскому языку, поддерживаются словарями и другими справочными изданиями. Поэтому литературный язык называют также нормированным или кодифицированным. Нормы диалектов не отличаются такой строгостью и поддерживаются только традицией; 3) многообразию функций литературного языка соответствует богатство его стилей. Для диалектов характерна слабая стилистическая дифференциация.

Между литературным языком и говорами существует взаимодействие, характер которого изменяется на протяжении истории.

Русский литературный язык возник на основе московского говора и в дальнейшем испытывал влияние диалектов, которое становилось тем слабее, чем отчетливее оформлялись и строже охранялись нормы литературного языка. Начиная с того периода, когда складываются орфоэпические нормы литературного языка, влияние диалектов на него проявляется преимущественно в лексических заимствованиях из говоров (так из говоров в литературный язык вошли слова *шуришать*, *зеленя*, *тайга*, *бублик* и многие другие). Влияние литературного языка на говоры, напротив, возрастало на протяжении его истории и особенно интенсивным стало в наше время. Благодаря обязательному среднему образованию, а также распространению в современной деревне радио и телевидения литературный язык оказывает на диалекты сильное влияние, которое приводит к их постепенной нивелировке. Лучше всего диалектные черты сохраняются в языке старшего поколения, особенно женщин. Но, видоизменяясь и утрачивая некоторые прежние черты, диалекты и в наше время сохраняются в качестве разговорного языка сельского населения.

§ 2. Основные единицы диалектологии. Основной единицей территориальных диалектов является говор. Г о в о р — это язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении. В своей совокупности говоры образуют диалектный язык. Но диалектный язык это не просто совокупность говоров, а сложное целое, по отношению к которому каждый говор может рассматриваться как его частная разновидность.

Можно выделить два аспекта изучения диалектного языка. Первый — изучение структуры диалектного языка, т.е. установление соотношений между системами разных говоров, образующих в совокупности диалектный язык (подробнее об этом говорится в разделе «Русский язык в его наречиях и говорах»). Второй аспект — изучение территориального распределения варьирующихся эле-

ментов диалектного языка и основанная на таком изучении группировка говоров (подробнее об этом рассказывается в разделах «Лингвистическая география» и «Диалектное членение русского языка»). Изучение сходства и различий между говорами дает возможность выделить территориальные объединения говоров различного ранга. Наиболее крупные объединения говоров — наречия. В русском языке выделяются два наречия: Северное и Южное, между которыми лежит полоса среднерусских говоров, сочетающих в себе черты обоих наречий. Каждое из наречий, а также среднерусские говоры включают в себя более мелкие объединения — группы говоров.

СВЯЗЬ ДИАЛЕКТОЛОГИИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

§ 3. Диалектология и история языка. Диалектология связана с целым кругом лингвистических (и шире — филологических), а также исторических наук.

Современные говоры наряду с памятниками письменности служат важнейшим источником истории языка. Дело в том, что исторические изменения русского языка протекали неравномерно на разных частях территории, занимаемой русским народом, а иногда принимали различное направление. Так, например, особая фонема /ʃ/, утраченная литературным языком, до сих пор сохраняется в некоторых говорах. А там, где эта фонема утратилась, она в одних говорах совпала с /e/ (*л'ес, с'ено*), а в других с /и/ (*л'ис, с'ино* и т. п.). Еще пример. Окончание *-á* в им. п. мн. ч., первоначально свойственное только существительным ср. р., захватило и другие классы существительных: муж. (*лесá, городá, домá* и др.), а в некоторых говорах и жен. р. (например, *деревня́, матеря́*). По интенсивности процесса распространения этого окончания одни говоры (например, смоленские) уступают литературному языку, а другие (например, тамбовские) опережают его. Итак, различные диалектные системы отражают процесс изменения языка. По меткому определению основателя Московской диалектологической школы Р. И. Аванесова (1902—1982), отдельные диалектные системы, выстроенные в один ряд, представляют собой «историю языка в ее пространственной проекции»¹. Уже одно это показывает, какое значение имеет диалектология для истории языка.

Следует также отметить, что не все черты живого разговорного языка прошлых эпох отражены в памятниках письменности. Этому препятствовали и письменная традиция, которая связывала писца,

¹ Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. — М., 1964. — С. 24.

и характер жанров письменности, ограничивающий (в силу их содержания или стиля) отражение в памятниках богатства разговорного языка народа. К тому же сохранившиеся памятники письменности неравномерно отражают русский язык различных эпох на разной территории его бытования.

Но и в случаях, когда те или иные явления живого языка отражены в памятниках письменности, их интерпретация часто требует обращения к фактам современных говоров. Так, например, известный историк русского языка, замечательный отечественный языковед XX в. Л. Л. Васильев обнаружил в двух памятниках XVI в. знак каморы (◌̣) над буквой *о* в некоторых словах. Звуковое значение этого знака было им разгадано благодаря открытию О. Брока, норвежского слависта, занимавшегося также изучением русских говоров, в том числе тотемского говора Вологодской губернии. В этом говоре, как отметил О. Брок, различались два вида *о*: *о* «закрытое» и *о* «открытое» (см. об этом § 18). И оказалось, что знак каморы стоит над буквой *о* именно в тех словах, где в говоре произносится *о* «закрытое».

Таким образом, без учета диалектных данных невозможно построение исторической грамматики, т. е. того раздела истории языка, который изучает изменение системы народно-разговорного языка и отдельных элементов этой системы.

Но сами диалекты тоже изменяются во времени, происходит взаимодействие говоров, перестраивается их группировка. Эти изменения изучает специальная дисциплина истории языка — историческая диалектология. В отличие от исторической диалектологии науку о современных территориальных разновидностях языка (предмет нашего курса) называют описательной диалектологией.

Историческая грамматика и историческая диалектология изучают один и тот же объект — историю народного разговорного языка, но изучают его в различных аспектах: историческая грамматика занимается общим направлением в изменении системы этого языка, а историческая диалектология — историей его диалектного варьирования. И для обеих дисциплин истории языка данные описательной диалектологии имеют важнейшее значение. Особенно это относится к исторической диалектологии, которая ретроспективно воссоздает историю диалектов на основе сопоставления современных диалектных явлений и их территориального распространения (подробнее см. раздел «Лингвистическая география»).

Но без диалектологии не может обойтись и история литературного языка, так как литературный язык возник на основе определенного диалекта и в дальнейшем продолжал испытывать в той или иной мере диалектное влияние. Однако для истории литературного языка роль диалектов по сравнению с памятниками письменности второстепенна.

§ 4. Диалектология и другие филологические науки. История языка была первой областью лингвистики, где нашла свое применение диалектология. Одно время на диалектологию так и смотрели как на вспомогательную дисциплину истории языка. В настоящее время все больше укрепляется в науке понимание того, что данные диалектологии должны использоваться и в тех областях лингвистики, которые обращены не к прошлому, а к настоящему и будущему.

Так, представление о типологии современных языков остается неполным, если типологические исследования ограничивать материалом литературных языков, игнорируя диалектные данные. Изучение современных процессов в говорах может дать ценный материал также для лингвистического прогнозирования и практической работы в области культуры речи. Однако до сих пор диалектологические знания, к сожалению, еще недостаточно используются для всех этих целей.

Поскольку фольклор создается на диалектной основе, диалектология имеет существенное значение для ф о л ь к л о р и с т и к и. К диалектологии приходится обращаться и литературоведам, так как элементы диалектной речи (диалектизмы) используются многими писателями в различных идейных и эстетических целях.

§ 5. Диалектология и история народа. Язык — социальное явление, и как всякое социальное явление он связан с историей народа. Это в полной мере относится и к диалектам. Поэтому естественна связь диалектологии с историей народа и такими историческими дисциплинами, как археология и этнография.

Диалектные различия — свидетельства известной изоляции говорящих на этих диалектах. Если такой изоляции не существует сейчас, значит она была в прошлом. Так, границы современных диалектных явлений отражают (с поправкой на позднейшие изменения) границы таких исторических общностей, как феодальные княжества с их сферами влияния или (значительно реже) племенные границы.

Сравнение говоров Сибири, Донской земли и других мест, заселенных русскими сравнительно поздно, с говорами территории, где первоначально сложились русские диалекты, позволяет проследить, откуда шло заселение областей позднейшей колонизации.

Черты иноязычного происхождения в русских говорах свидетельствуют о длительных контактах русского и иноязычного населения на той или иной территории.

Так диалектные данные помогают историку воссоздать исторические пути русского народа. Если данные описательной диалектологии служат одним из источников для истории народа, то историческая диалектология не только дает материал для историков, но и сама не может обойтись без обращения к истории народа. Свидетельства летописей и других документов, археологические данные об этническом составе населения определенной территории, о политических, экономических и культурных связях этого

населения помогают историку диалектов установить время и место (а иногда и причины) возникновения многих диалектных явлений. Например, есть говоры, в которых употребляется только одна аффриката (*овца, отец, чай, цистый* и т. п.). Это явление называется цоканьем. Цоканье свойственно преимущественно севернорусским говорам. Но есть оно и в некоторых рязанских (в так называемых мешчерских) говорах. Не значит ли это, что там раньше был говор севернорусского типа, который потом изменился под влиянием южных говоров? Исторические данные подсказывают другой ответ. На территории этих рязанских говоров жило финское племя мешера, в языке которого не было двух аффрикат. Цоканье в говорах Рязанской области — это местное явление, возникшее под иноязычным влиянием.

Следует особо остановиться на связях диалектологии и этнографии. Это связи двухсторонние. С одной стороны, крестьянские постройки, орудия труда, бытовые предметы и одежда, а также старинные обряды имели раньше (а отчасти сохранили и в настоящее время) местные различия, которые изучает этнография. С этими различиями часто бывает связано и различие в названиях соответствующих предметов или понятий. Поэтому изучение диалектной лексики, относящейся к старому крестьянскому быту, невозможно без знания этнографии. Но, с другой стороны, и сами диалектные названия предметов и понятий крестьянского быта являются важными этнографическими признаками. Таким образом, изучение взаимоотношений между предметом и его названием необходимо и для диалектологов и этнографов.

Особенно важно подчеркнуть, что границы этнографических различий часто совпадают с границами диалектов. Например, распространение двух видов женской одежды: *понёвы* и *сарафана* (см. § 145) в основном совпадает соответственно с территорией Южного и Северного наречий.

Наряду с изучением истории и этнографии края изучение местных говоров является важным компонентом краеведческой работы.

ПРИМЕНЕНИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА И В ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Знание диалектологии практически необходимо учителю-словеснику. Работая в сельской местности, учитель-словесник преподаёт нормы литературного языка детям, которые говорят на диалекте. В процессе изучения литературной нормы ученики делают в устной и письменной речи ошибки, связанные с различиями между системой литературного языка и системой их родного диалекта, —

«диалектные ошибки». Такие ошибки встречаются и у учеников городских школ.

Чем лучше знает учитель диалектологию, тем легче понимает он природу подобных ошибок и тем скорее находит нужные приемы, чтобы помочь детям усвоить нормы литературного языка.

Так, например, известно, что большинство орфографических ошибок связано с нейтрализацией фонем в слабых позициях. На приведении фонем к сильной позиции основаны школьные правила правописания безударных гласных, глухих и звонких согласных и др.

Но в разных диалектах свои законы позиционных чередований звуков: условия сильного и слабого положения фонем могут быть иными, чем в литературном языке, а значит, должны варьироваться и приемы проверки.

Так, например, во многих окающих говорах фонемы /у/ и /о/ совпадают в начале слова во втором предударном слоге (например, глаголы *убивáть* и *обивáть* там произнесут одинаково, с гласным [у] в начале слова, а *убíть* и *обíть* — по-разному). Можно использовать эту закономерность с целью проверки правописания гласных во втором предударном слоге. Так, ученик может проверить правописание слова *огурéц* по уменьшительному *огúрчик*, правописание глагола *увидáть* по глаголу *увíдеть* и т.п. Прием очень полезный, потому что примеры с ударением на проверяемой гласной не всегда можно подобрать.

Учитель должен не только знать родной говор своих учеников, но и уметь сопоставить его систему с системой литературного языка. Иначе некоторые ошибки учащихся останутся непонятными, потому что диалектные ошибки не всегда непосредственно отражают факты этого диалекта. Например, ученик пишет «начала косит», «пошли отдохнут», хотя в его говоре, как и в литературном языке, инфинитив оканчивается на *-т'* (*косить*, *отдохнуть*). Откуда появилась такая ошибка? Дело в том, что в этом говоре форма 3-го л. глаголов оканчивается на *-т'* (*он косит*, *он отдохнёт*). Ученик пишет эти формы с мягким знаком на конце. Его поправляют, и у него складывается представление, что в глагольных окончаниях не нужно писать *ь* после *т*, хотя это *т* произносится мягко. Эту закономерность ученик распространяет и на форму инфинитива, которая в его речи часто совпадает с формой 3-го л.: *он говори[т']*, *не надо говори[т']*. Природа такой ошибки выявляется лишь при сопоставлении системы говора и литературного языка.

Очень важно, чтобы изучение норм литературного языка не вызывало у школьника представления о второсортности, «неправильности» их родного диалекта.

Здесь многое зависит от такта учителя и от глубины его понимания культурно-исторической и эстетической ценности диалектов.

Изучение современных процессов в диалектных системах также должно быть поставлено на службу методике преподавания русского языка в диалектной среде. Известно, что отход от диалектного произношения под влиянием литературного языка может происходить постепенно, распространяясь сначала на одни фонетические позиции, а потом на другие. Эту последовательность целесообразно учитывать в орфоэпической работе с учащимися.

Знание диалектологии пригодится учителю-словеснику и на уроках литературы.

В произведениях классической и современной литературы часто используются элементы диалектной речи (диалектизмы) для характеристики персонажей или для создания местного колорита. Для полного понимания таких произведений требуются диалектологические знания.

Учитель должен уметь объяснить ученикам значение диалектных слов, которые встречаются в изучаемых в школе произведениях литературы, и раскрыть эстетическую роль диалектизмов в этих произведениях. Желательно также научить школьников самостоятельно обращаться к диалектным словарям или, по крайней мере, познакомить их со словарями такого типа.

Практическое применение диалектологии не должно ограничиваться школой. Диалектологические знания могут найти то или иное применение в различных направлениях работы в области культуры речи. В частности, данные диалектологии желательно учитывать и в работе по усовершенствованию орфографии. Так, например, неоднократно выдвигались предложения писать одинаково непроверяемые гласные разного происхождения *тапор, сабака, сапог, капуста* или *топор, собака, сопог, копушта*. Противники этих предложений указывали, что это нововведение было бы очень неудобным для носителей оканья, а оканье является пока еще весьма распространенной и устойчивой диалектной чертой, которая сохраняется в речи даже очень образованных людей.

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

§ 6. Уважительное отношение к диалектам в XIX — начале XX в. В середине XIX в. в русском обществе пробуждается широкий интерес к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору. Меняется и отношение к диалектам, которые еще в первой половине XIX в. рассматривались многими учеными-языковедами как «искажение», «порча» литературного языка. Во второй половине XIX в. среди широкой общественности складывается уважитель-

ное отношение к народной речи. Огромную роль в этом сыграл «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, впервые вышедший в 1863—1866 гг. и с тех пор многократно переиздававшийся. Среди 200 тысяч слов этого словаря около 80 тысяч диалектные, собранные В. И. Далем по всей России.

В рекомендациях лингвистов и педагогов содержались указания на то, что в школе необходимо изучать русский язык во всех его разновидностях. К. Д. Ушинский одной из целей преподавания языка в школе считал «усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой»¹. А. А. Шахматов писал: «Из обзора русских наречий, из знакомства с живыми говорами учащийся вынесет уважение к идее народности. Он увидит народ не в одних блестящих проявлениях культурной и государственной жизни, не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках — он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни <...>. Все это приблизит учащегося к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, а также веру в него, в его будущее»².

Эти идеи легли в основу методики преподавания русского языка в советской школе в начальный ее период. В эти годы рекомендуется уважительное отношение к речи учащихся, говорящих на диалекте. Учителя вместе с учащимися проводят наблюдения над живой речью населения края, в том числе и над ее диалектными особенностями, собирают фольклорный материал. Положительно оценивается использование диалектизмов в художественной литературе и критикой.

§ 7. Взгляд на диалекты с 1930-х гг. как на пережитки прошлого.

Но затем это отношение к народной диалектной речи резко меняется. Связано это было с изменением отношения к крестьянству — основному носителю диалектов. Социальные преобразования в деревне в 1920—1970-е гг. были направлены на уничтожение крестьянства как класса, на превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Массовая коллективизация крестьян и уничтожение самых рачительных хозяев под лозунгом борьбы с кулачеством в 1920—1930-е гг., грабительская политика, приводившая к массовому обнищанию и вымиранию от голода целых деревень, заставляла крестьян, особенно молодежь, любой ценой переселяться в город. Кампания 1960—1970-х гг. по ликвидации так называемых «неперспективных» деревень усугубила положение.

В результате этих социальных преобразований говоры многих деревень перестали существовать вместе с самими деревнями. Кре-

¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. — Т. 2. — М., 1954. — С. 682.

² Шахматов А. А. К вопросу об истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях // Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. — СПб., 1904.

стьяне, переехавшие в города и перевезенные из разных мест в одно, утрачивают многие исконные языковые черты, а дети, воспитывающиеся в городах и районных центрах, больше подвержены влиянию литературного языка. Нарушается естественная языковая связь поколений.

Изменения эти в значительной степени обусловлены сформировавшимся в 1930-е гг. негативным отношением к крестьянству как классу и к крестьянской народной культуре, народному быту, диалектам как языку деревни. Кроме того, с 1930-х гг. политиками и философами выдвигается идея интернационализации и сближения национальных культур и языков, постепенного отмирания различных языков в социалистическом обществе и формирования единой социалистической культуры и единого языка, в основе которого должен лежать русский литературный язык. В соответствии с этим диалекты русского языка объявлялись пережитком прошлого, отклонением от литературного языка, его извращением. Диалектизм в речи носителей литературного языка объявлялась беспощадная война.

В этом же направлении менялась методика преподавания русского языка в диалектной среде. Целью ее становилось, как писал А. В. Текучев, «устранение диалектизмов всех видов из речи учащихся. Перед учеником-диалектоносителем стоит очень сложная задача: живя в окружении взрослых, таких же диалектоносителей, как и он сам, освободиться от свойственных его речи привычных с детства диалектизмов и овладеть литературной речью»¹. Конечная цель этой борьбы — полное вытеснение диалектов литературным языком.

Эта социальная и языковая политика нанесла русскому языку значительный ущерб. Происходящее в настоящее время, в большой мере в связи с этой политикой, нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, — это утрата части их языкового богатства, обеднение общенародного языка.

Проводившаяся у нас языковая политика имела и другие отрицательные последствия. «Найдутся, вероятно, и такие учителя, — писал В. И. Чернышев в 1912 г., — <...> которые ведут в школе открытую и последовательную борьбу со всем языком деревни <...>. У ученика такой школы образуется понятие, что нет хуже языка, как язык своей семьи и деревни <...>. Такая школа принесет учащимся в ней большой вред, который будет тем значительнее, чем успешнее она утверждает в своих питомцах враждебное отношение к народному языку <...>. Всякое наступательное движение по отношению к народному языку при ничтожной и только кажущейся пользе принесет страшный, непоправимый вред в разных отноше-

¹ Текучев А. В. Преподавание русского языка в диалектных условиях. — М., 1974. — С. 11.

ниях: моральном, педагогическом, образовательном»¹. Воспитание в детях отрицательного отношения к языку своих родителей, своих предков — это воспитание безнравственности. Вместе с тем это и воспитание в жителях деревни комплекса неполноценности.

§ 8. Диалекты — богатство русского языка. О русском языке говорят как об одном из самых богатых языков мира. Богатство языка — это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты как раз и дают такую возможность в силу разнообразия словарного состава, грамматических и фонетических средств. В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» около 120 тысяч слов, а в словнике только одного из многочисленных региональных диалектных словарей, не включающих слова, полностью совпадающие с литературными, — «Архангельского областного словаря» 180 тысяч слов.

Языковое богатство русских диалектов отражает и различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениться по-разному, что проявляется в разном количестве слов — названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей. Так, в одних русских говорах, как и в литературном языке, лингвистическое время членится на прошедшее, настоящее и будущее, а в других выделяются еще перфект и плюсквамперфект (давнопрошедшее). В литературном языке существует одно название для незрелой лошади — *жеребёнок*. А в говорах чаще всего встречаются три названия возрастных периодов жеребенка: первый период — *сосун, сосок, сósка, лошóнок, лошáк, коня́жка, селётóк, озímок, перевозímок*; второй период — *стригáч, стригáн, стригún, стрíга, стрíжжа, стрижáк, лётошник, лонцáк, лонци́на, перезímок, полúторник*; третий период — *третья́к, третья́ка, трехлётóк, троелётóк, úчка, первопáшка, гуля́к, борóнка, борóныш, борóнщик, боронн́ик, бороновáлка* и др. Встречается и более дробное членение, которое может усложняться различиями по полу.

Разное видение одного и того же предмета в различных говорах проявляется и в том, что в этом предмете выделяются разные признаки, мотивирующие его название. Предмет, таким образом, связывается с разными понятиями, а слово — с разными родственными словами; например, *ухвát* (от *хватать, хватить*), *рогáч* (от *рогатый*), *ручн́ик* (от *ручной*), *емкí* (от *имать* 'брать').

Основная цель учителя, работающего в диалектной среде, — научить школьников литературному языку. Но литературный язык не должен вытеснить у них тот язык, которым они владеют с детства, — местный говор. Литературный язык многообразен: в разных ситуациях мы используем различные его стили. В деревенском об-

¹ Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. — Т. 2. — М., 1970. — С. 531.

щении должен сохраняться местный говор. И благородная цель учителя — показать ребенку, что этот говор обладает всеми необходимыми качествами для выполнения своей роли, а в некотором отношении он и богаче литературного языка. Воспитание любви и уважения к местному говору — вторая важная цель учителя деревенской школы. Естественно, что учитель и сам должен хорошо знать этот говор, понимать его особенности.

Диалекты русского языка — реальность настоящего времени. Их исчезновения не произойдет и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются, деградируют. Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, нужна и наиболее полная фиксация их современного состояния. Во многих сельских и районных школах существуют этнографические музеи, сохраняющие предметы старого быта, старой местной культуры. И точно так же необходимо создавать в этих школах, в диалектологических кабинетах вузов фонды магнитофонных записей речи представителей местных говоров. Эти записи уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры, со временем же их значение неизмеримо возрастет.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО НАРЕЧИЯХ И ГОВОРАХ

§ 9. Диалектный язык. Русский национальный язык представляет собой сложное единство: сложное, потому что он включает в себя, как уже говорилось, многие разновидности (литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты), но все же единство, поскольку во всех этих разновидностях достаточно общих черт, чтобы люди, пользующиеся различными разновидностями языка, понимали друг друга и воспринимали речь собеседника как русскую.

Сложное единство представляет собой не только русский национальный язык в целом, но и такие его компоненты, как литературный язык (с его устной и письменной формой, разнообразием стилей) и диалектный язык (с его территориальным варьированием).

Понятие диалектного языка, введенное в науку Р. И. Аванесовым и разработанное его школой, неразрывно связано с характером сходства и различий русских говоров. Несмотря на значительные различия между говорами русского языка, их объединяют многие общие черты. Единой для всех говоров является большая часть словарного фонда; много общих черт в фонемной организации говоров; и особенно значительно единство их грамматического строя. На фоне этого единства выступают многочисленные различительные элементы, т. е. элементы языка, свойственные одним

говорам (группам говоров, наречиям) в отличие от других. Эти элементы образуют соотносительные ряды. Например, оканье и аканье, т. е. различие фонем /o/ и /a/ в безударных слогах (*ст[о]лы́* и *т[а]зы́*, ср. *ст[о]л* и *т[а]э*) или их неразличение (*ст[а]лы́* и *т[а]зы́*); различные по говорам формы слова *свекрóвь*: *свекрóвь*, *свекрóвья*, *свекрóвя*, *свекрóва*, *свекрá*, *свекрý*; различные названия приспособления для вынимания горшков из печи: *ухвát*, *рогáч*, *емкú* (или *емóк*). Такие соотносительные ряды получили в науке название междиалектных соответствий (или соответственных явлений). Каждый из членов такого ряда имеется в одних говорах и отсутствует в других, где ему соответствует иной член того же ряда.

Значительная степень общности систем разных говоров, а также большая или меньшая регулярность в соотношении их различительных элементов (особенно высокая в фонетике) позволяют рассматривать системы отдельных говоров (так называемые микро-системы) как варианты одной общей системы (макросистемы), присущей диалектному языку в целом. В диалектном языке есть постоянные элементы (они одинаковы для всех говоров) и подвижные (варьирующиеся по говорам). Подвижные элементы в составе всего диалектного языка представлены междиалектными соответствиями (т. е. рядом диалектных вариантов, взаимозаменяющих друг друга в разных говорах), а в каждом говоре — определенным членом этого ряда. В некоторых говорах могут сосуществовать разные члены междиалектного соответствия, но это частный (хотя и весьма распространенный) случай.

Таким образом, понятие диалектного языка дает возможность компактно описать диалектные различия русского языка (микро-системы), установить характер и пределы диалектного варьирования каждого элемента его системы.

§ 10. Типы диалектных различий. Диалектные различия, структура междиалектных соответствий очень разнообразны.

1. Различаться по говорам могут отдельные элементы языка: звуки, грамматические формы, слова, а также целые системы этих элементов: чередования звуков в разных позициях, системы окончаний в парадигме слова и т. п. Первые различия называются простыми, а вторые сложными. Так, к простым диалектным различиям относятся реализация фонемы /л/ в звуке зубном [л] или альвеолярном [л], окончание *-ов* или *-ох* в род. п. мн. ч.: *быкóв*, *домóв*, *прáздников* или *быкóх*, *домóх*, *прáздниках*, к сложным диалектным различиям — различение или совпадение в одном звуке аффрикат /ц/ и /ч/, различение или совпадение форм дат. и тв. п. мн. ч.: *к домáм*, *но за домáми* или *к домáм* и *за домáм* и т. п.

2. Диалектные различия в области фонетики и грамматики часто носят регулярный характер. Так, если в говоре окают, то фонемы /o/ и /a/ различаются в безударном положении (в любом

слоге или только в предупредном) во всех словах и словоформах, где эти фонемы находятся в соответствующей позиции; а в акающих говорах во всех таких словах и словоформах происходит совпадение фонем /o/ и /a/. Если на одной территории говорят *красны лѣнты*, а на другой *красные лѣнты*, то такое соотношение окончаний им. п. мн. ч. действительно по крайней мере для всех прилагательных с безударными окончаниями, а в некоторых говорах и вообще для всех прилагательных.

Членами междиалектных соответствий могут быть и изолированные факты — различия в отдельных словах или словоформах: разные названия одного и того же предмета, различия в фонемном составе слова или в его грамматической форме в тех случаях, когда эти различия не связаны с различием системы (фонетической или грамматической). Например, слово *хлев* известно в говорах с фонемой /x/ и с фонемой /k/ (*хлев* и *клев*), хотя в фонетической системе и тех и других говоров есть обе эти фонемы. Такой же изолированный характер носит различие рода существительного *зверь*, которое в одних говорах относится к мужскому, а в других к женскому роду.

3. Междиалектные соответствия могут иметь два или более членов. Многочленные диалектные соответствия больше всего характерны для лексики: например, *лѣдѣны : крѣги : ѓкры : плѣты : глѣбы* и другие, менее распространенные, названия; *причитать : плакать : выть : вопить : голосить* (по покойнику)¹. Многочленные междиалектные соответствия бывают также в фонетике и в грамматике. Но для грамматики и фонетики более характерны двучленные междиалектные соответствия (например, оканье и аканье, окончание род. п. ед. ч. существительных 1-го скл. *-и (-ы)* или *-е*: *у реки, от сестры* или *у рекѣ, от сестрѣ*) или такие многочленные соответствия, которые могут быть сведены к сочетанию двучленных, выделенных по разным признакам (см. пункт 4).

4. Диалектные варианты могут различаться по одному или разным признакам (одноплановые и многоплановые различия). Примером различия служит качество долгого глухого шипящего. В одних говорах он может быть мягким, а в других твердым; и мягкий и твердый шипящий может быть или щелевым или иметь смычный элемент. Таким образом, междиалектное соответствие включает в себя четыре члена: [ш̣'] : [ш̣] : [ш'ч'] : [шч], но они попарно противопоставлены друг другу 1) по мягкости-твердости: [ш̣'] и [ш'ч'] : [ш̣] и [шч] и 2) по наличию или отсутствию смычного элемента: [ш̣'] и [ш̣] : [ш'ч'] ([ш'т̣ш'] и [шч] ([шт̣ш]). Пример однопланового различия — принадлежность к 1-му или 2-му скл.

^{*} Знак «:» указывает, что данные элементы относятся к одному междиалектному соответствию.

существительных муж. р. с суффиксом *-ушк*: *батюшка, дедушка, парнишка* или *батюшко, дедушко, парнишко* и т.п.

5. Некоторые диалектные элементы языка не образуют соотносительных рядов. Например, в северных говорах употребляется слово *горбуша*, которое обозначает особый вид косы, похожей на большой серп (см. рис. 1 на с. 204). Слово *горбуша* отсутствует и не имеет эквивалента в говорах той территории, где этот вид косы неизвестен. Диалектные различия, при которых тот или иной элемент одних говоров отсутствует и не имеет своего эквивалента в других говорах, получили в русской диалектологии название *непротивопоставленных* в отличие от *противопоставленных*, т.е. образующих соотносительные ряды. Непротивопоставленные диалектные различия представлены в диалектном языке междиалектным соответствием с нулевым членом. Они связаны не только с названиями предметов и явлений, имеющих местный характер (внелингвистический фактор), но и с особенностями самих диалектных систем. Например, в одних говорах есть специальные названия для хорошей погоды (*вёдро*), а в других нет. В некоторых говорах есть синтаксическая конструкция, выражающая значение неизбежности (например: *быть тому случиться* 'то неизбежно должно случиться'), а в большей части русских говоров это значение не получает специального грамматического выражения.

Однако в тех случаях, когда непротивопоставленные различия объясняются внутрилингвистическими факторами, грань противопоставленных и непротивопоставленных различий является условной. Непротивопоставленные различия, выделяемые в пределах одного фрагмента системы, могут оказаться противопоставленными при рассмотрении более крупного фрагмента. Так, название хорошей погоды не имеет эквивалента в ряде говоров (непротивопоставленное различие). Но если сравнивать не отдельные слова, а всю систему обозначений погоды в разных говорах, то получим противопоставленное различие: членами междиалектного соответствия будет различное устройство данного участка лексической системы (т.е. состав и соотношение названий погоды).

Еще один пример. В некоторых говорах Архангельской, Вологодской, Новгородской и Псковской областей употребляется сложная форма прошедшего времени *был пришел* и т.п., которая обычно называется формой давнопрошедшего времени. Эта форма выражает особые значения прошедшего времени, в частности значение действия, предшествующего другому действию, имевшему место до момента речи, например: *В сентябре снег был высыпал, а октябрь был теплый; Песни была пела, танцевала была, а когда замуж вышла — нет: дети пошли, некогда было*. В других говорах нет соотносительной формы с тем же значением. Следовательно, здесь можно говорить о непротивопоставленном различии. Но если рассматривать данную форму не изолированно, а в составе всей системы

времен в разных говорах, то данное различие выступит как элемент противопоставленного различия: система, в которой различаются три формы времени, противопоставлена системе из четырех форм.

Так простые непротивопоставленные различия могут выступать как элементы сложного противопоставленного различия.

§ 11. Сосуществование различных членов междиалектного соответствия в одном говоре. Как уже говорилось выше, различные члены междиалектного соответствия (диалектные варианты) могут встречаться и в одном говоре. Например, в некоторых говорах произносят взрывной и щелевой заднеязычный согласный (*гром* и *уром*, *дугá* и *дууá* и т.д.), хотя /г/ и /ҕ/ в масштабе всего диалектного языка являются различительными элементами Северного и Южного наречий. Существительные среднего рода с ударением на основе в одних говорах имеют в вин. п. окончание *-о*, в других *-у* (*посеять прóсо* и *посеять прóсу*). Но возможно употребление обоих вариантов в одном и том же говоре. Сосуществование в одном говоре разных диалектных вариантов обычно отражает динамику говора: один из вариантов вытесняется (но еще не вытеснен) другим вариантом либо под воздействием соседнего говора, либо под влиянием литературного языка. Сосуществование двух вариантов может отражать также определенную стадию спонтанного развития говора. Так, например, существительные на *-мя*, сохраняющие в литературном языке особенности древнего склонения основ на согласные, во многих говорах отходят к одному из основных современных типов склонения. При этом в одном и том же говоре Южного наречия возможно колебание в их склонении по 1-му или 2-му типу.

Иногда сочетается действие разных факторов, подчас противоположного направления. Например, внутренняя тенденция к унификации падежных форм существительных в мн. ч. вызывает широкое распространение окончания род. п. *-ов* на те классы существительных, которые раньше имели другие окончания: *ба́бов*, *се́длов*, *роді́телей* и т.п. Но влияние литературного языка задерживает вытеснение прежних форм: *баб*, *седел*, *роді́телей* и т.п., и оба варианта сосуществуют в одном говоре.

Дополнительная литература

Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования / Отв. ред. Р.И.Аванесов. — М., 1965. — С. 24—35.

Бромлей С.В. Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры языка. (К постановке вопроса.) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1979. — Т. 38. — № 2. — С. 108—116.

Булатова Л.Н. О применении московской фонологической теории к изучению орфографии в условиях местного диалекта // Язык: изменчи-

вость и постоянство: К 70-летию Л.Л. Касаткина / Науч. ред. М.Л. Каленчук. — М., 1998. — С. 15—21.

Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. — М., 1962. — Глава 1. Лингвистическая география и структура языка.

Калнынь Л.Э. Значение трудов Р.И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова / Отв. ред. Н.Н. Пшеничнова. — М., 2002. — С. 47—52.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. Введение. — М., 1999.

Оссовецкий И.А., Орлова В.Г., Строганова Т.Ю. Народные говоры // Русский язык и советское общество / Под ред. М.В. Панова. [Т. 4] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. — М., 1968. — С. 131—211.

Русская диалектология. Введение / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. — М., 1964.

СУПЕРСЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

§ 12. Сегментные и суперсегментные единицы. В речевом потоке выделяются различные фонетические единицы: сегментные и суперсегментные. Сегментные единицы линейны, это разные отрезки речевого потока: звук, слог, фонетическое слово, фонетическая синтагма, фраза. Звук — наименьшая, кратчайшая сегментная единица. Каждая следующая по величине сегментная единица состоит из более мелких: слог из звуков, фонетическое слово из слогов, фонетическая синтагма из фонетических слов, фраза из фонетических синтагм.

Объединение этих единиц в более крупные сегментные единицы осуществляется благодаря суперсегментным, или просодическим, единицам, которые как бы накладываются на сегментные. К таким суперсегментным единицам относятся слоговость/неслоговость звуков, ударение и интонация. Особая суперсегментная единица — темп речи.

§ 13. Слог. Слог как сегментная единица представляет собой линейную последовательность звуков. Один звук в слогe — слоговой (слоогообразующий), остальные — неслоговые.

Диалектные различия в строении слога в русском языке связаны с характером слоговых и неслоговых звуков, с их соотношением в слогe, с местом слогораздела.

Во всех говорах русского языка гласные выступают обычно как слоговые, слогообразующие звуки, а согласные как неслоговые, неслогообразующие. Различия между говорами состоят в характере отступлений от этой общей закономерности.

В значительной части говоров, как и в литературном языке, гласный звук [и] может быть неслоговым, когда он выступает на месте фонемы /j/: *мо[и], по[и]дú, [и]елóвы[и]*. Во многих говорах неслоговым может быть также гласный звук [y] (иногда [o]), выступающий на месте /v/: *коро́[ý], коро́[ý]ник, тра[ý], тра́[ý]ка (тра[о], тра́[о]ка)* или на месте /л/: *во[ý]к (во[о]к), ста[ý], (ста[о])* (см. § 38, 39, 46).

Во многих русских говорах известны дифтонги. Шире всего распространены [иэ] и [yo]: *л[иэ]с, хл[иэ]б, с[иэ]но; кор[yo]ва, сел[yo], к[yo]т*. В некоторых говорах произносятся [еи], [оу], [ео], [ио],

[e̞a], [i̞a], [i̞y]: c[e̞i]pn, z[o̞y]d, n[e̞o]c, n[i̞o]c, n[e̞a]мый, n[i̞a]мый, л[i̞y]ди (см. § 20, 22). Дифтонги могут быть равновесными, когда оба гласных обладают одинаковой силой и длительностью. Дифтонги могут быть также восходящими, когда первый гласный дифтонга неслоговой, а второй слоговой: л[i̞e̞]c, к[yo̞]m, или нисходящими, когда первый гласный дифтонга слоговой, а второй неслоговой: л[i̞e̞]c, к[yo̞]m. У восходящих и нисходящих дифтонгов длительность и интенсивность слогового гласного значительно превышает длительность и интенсивность неслогового гласного.

В южнорусских говорах, главным образом в Юго-Восточной зоне (см. карту 11 на с. 257), наблюдается тенденция к утрате (диерезе) безударных гласных. При этом количество слогов в слове может уменьшаться на один либо оставаться прежним. В последнем случае вместо утраченного гласного слоговую функцию выполняет соседний согласный. Чаще всего такими слоговыми бывают наиболее звучные согласные — сонорные: мо[л̩]тобóец, зó[л̩]то, н[р̩]давáть, стó[р̩]жем, без нá[м̩]ти, вь[н̩]су, лозí[н̩]чка. Слоговость шумных согласных проявляется в их большей напряженности: [т̩]порá, вь[с̩]пáно, у[ч̩]теля́. По-разному произносятся [з̩]давáть (сдавать) и [з̩]давáть (задавать), вь[у̩]нем (выгнем) и вь[у̩]ним (выгоним), вьго[д̩]но (выгодно) и вьга[д̩]но (выгадано), [п̩]левáли (плевали) и [п̩]ливáли (поливали), зя[т̩] пустíл (зять) и зя[т̩] пустíл (зятя). В этих парах напряженность слоговых щелевых согласных проявляется в большей долготе, слоговых взрывных звонких — в большей долготе смычки, слоговых взрывных глухих — в придыхательности. При этом напряженный шумный слоговой согласный может не озвончаться перед следующим звонким шумным и не оглушаться перед следующим глухим: [с̩]беру́ (соберу), лó[ж̩]чка (ложечка), бá[б̩]шка (бабушка), выхó[д̩]те (выходите).

Слоговые согласные не типичны для русского языка. Стремление избежать слоговости согласного нередко приводит к восстановлению гласного. При этом наблюдаются ошибки с точки зрения места и качества исконного гласного: к[э̞]лдовáя (кладовая), пох[э̞]лlochí (похлопочи), я́б[э̞]лков (яблок), нóж[ы̞]ницы (ножницы), мóк[эн̩]т̩ (мокнет).

Во многих акающих говорах существует тенденция устранять начальные сочетания согласных в слове. В говорах Юго-Западной зоны перед группой согласных развился протетический гласный [и], реже [а]: ирвáть, иржáть, илбь, ильнá, имхí, испрáвка, исказáть, издéлать, ик тебе́ и т. п., арвáть, аржáть, албь и т. п.; перед начальным в — [у]: увлéзть, увмéсте, уврóде, увскочíл, ув плен, ув школу и т. п. В слове ильнянóй (альняной) протетический гласный известен многим акающим говорам. Еще шире, в том числе и во многих окающих говорах, встречается надставка (протéза) гласного [а], [о] или [и] в слове аржанóй (оржанóй, иржанóй).

В говорах Юго-Восточной зоны начальная группа согласных часто разделяется вставными гласными. Такая вставка (эпентеза) гласного часто бывает в тех случаях, когда этот гласный образует второй предударный слог: *в[э]довá, к[э]лубн́ика, к[э]рапíва, н[э]лохóй, н[э]шенó, с[э]морóдина, т[э]ворóг, л[и]нянóй* и т. п. Реже встречается такой эпентетический гласный в первом предударном слогe: *н[а]рáвиться, м[ы]нóго, х[э]леб, с[и]вет* и т. п.

Развитие протетических или вставных (эпентетических) гласных в начальных сочетаниях согласных было связано с тенденцией к утрате слоговости у первых согласных таких сочетаний. При этом сонорные и шумные согласные были в этих говорах в древнерусском языке слоговыми благодаря большей, чем у следующего согласного, напряженности: [р]в^ать, [р]ж^анóй, [л]б^ы, [л']нянóй, [м]х^и; [с:]плест^и, [з':]д^елать, [к']теб^е; [в]лез, [в]пол.

В говорах Юго-Восточной зоны вставка гласного между согласными обычно наблюдается не только в начале слова, но и в других позициях: *уш[э]лá, зак[э]ричáл, трúд[э]но, лán[э]ти, вол[э]к*. Часто встречается подставка гласного в конце слова после согласного (эпитеза): *упадéш[а], кóсим[а], у нíх[а], в úгол[э], огóнь горéл[э]*. Таким образом, в юго-восточных говорах структура слога приближается к простейшей: СГ (согласный + гласный).

В говорах Северо-Запада во многих словах наблюдается так называемое второе полногласие — произношение сочетаний *-оро-, -ере-, -оло-* между согласными на месте исконных *СьГС, *СьГС, *СьС, *СьС: *кóром (корм), гóроб (горб), гóрость (горсть), дёрен (дёрн), чéревь (червь), сéреп (серп), верёх (верх), дóлог (долг), хóлом (холм), чёлон (челн)* и др. Это также приводит к увеличению количества слогов типа СГ.

Существуют различия между говорами и в месте слогораздела. При наличии внутри слова группы согласных в севернорусских говорах обычно образуются закрытые слоги: *кар-тош-ка, нель-зя, друж-ба, сед-ло, пус-ти*; в южнорусских и среднерусских говорах — открытые слоги: *ка-рто-шка, не-льзя, дру-жба, се-дло, пу-сти*.

§ 14. Ударение. Словесное ударение — суперсегментная единица, объединяющая слоги в фонетическое слово. В фонетическом слове есть один ударный слог и могут быть безударные слоги. Ударный слог отличается от безударных большей длительностью, силой, тоном, особым качеством звуков — тембром. Использование этих способов выделения ударного слога в разных говорах имеет свои особенности.

Соотношение длительностей разных гласных в слове создает ритмическую структуру слова. Типы этой структуры в разных говорах различны.

Для русского литературного языка А. А. Потехня предложил формулу, условно оценивающую «тоническую силу» ударного и

безударных гласных: 1-2-3-1, где 3 единицы соответствуют ударному гласному, 2 — первому предударному, 1 — остальным безударным, например *перерéжем, привинти́ли, напа́дала*. Эта формула примерно соответствует соотношению длительности ударного и разных безударных гласных. Такое же соотношение длительности гласных в слове наблюдается и во многих русских говорах. Однако в говорах существуют и другие типы ритмической структуры слова.

Во многих севернорусских говорах безударные гласные почти не отличаются по длительности. Несколько бо́льшая длительность гласного первого предударного слога по сравнению с другими безударными гласными в таких случаях неотличима на слух, хотя и обнаруживается при помощи специальных приборов, в частности компьютерного анализа. При этом безударные гласные могут незначительно отличаться от ударного гласного либо это отличие более существенно. Ритмическая структура слова таких говоров может быть определена как 2-2-3-2 или 1-1-3-1. Такие типы диалектологи называют «рубленной» речью, или «стаккато».

В севернорусских говорах встречается и такой тип ритмической структуры слова, когда слоги с более и с менее длительным гласным перемежаются: 2-1-3-1. В этом случае гласный первого предударного слога уступает по длительности гласному второго предударного слога.

Тип ритмической структуры слова, характерный и для «старомосковского» произношения, встречается в ряде среднерусских говоров. В этом типе гласный первого предударного слога равен по длительности ударному гласному или даже длительнее его: 1-3-3-1. В таких говорах ударный гласный выделяется большей напряженностью и тоном. Напряженность мышц артикулирующих органов отражается на тембре гласного. Тон при этом на гласном первого предударного слога обычно повышается, а на ударном гласном понижается.

В южнорусских говорах с диссимилятивным аканьем и яканьем (см. § 25, 29, 30) своеобразие ритмической структуры слова проявляется в следующем. Гласный первого предударного слога, выступающий на месте фонем неверхнего подъема, может иметь разную длительность в зависимости от качества ударного гласного. Перед ударным гласным нижнего подъема [а] гласный первого предударного слога по длительности приближается к гласному второго предударного слога и может быть даже короче его; тип такой ритмической структуры 1-1-3-1: *накопáла, продава́ли, вылета́ла, наглядя́т-ся*. Перед ударным гласным верхнего подъема [и, ы, у] гласный первого предударного слога по длительности приближается к ударному гласному и может быть даже длительнее его; тип такой ритмической структуры 1-3-3-1: *подари́ла, раздобы́ла, разогну́лся, наряди́лись, пересы́пать, унесу́тся*. В этом случае ударный гласный отличается от первого предударного более низким тоном и особым тембром.

Диалектные различия могут относиться также к месту ударения в словах и в отдельных грамматических формах. Эти различия не являются собственно фонетическими.

Различия в месте ударения могут характеризовать слово во всех его формах: *крапíва, крапíвы, крапíве* и т.д. — *крапíва́, крапíви́, крапíве́* и т.д., и точно так же *ту́ча — туча́, свёкла — свекла́, засу́ха — засу́ха, спи́на — спи́на, сосна́ — сосна, то́лстый — толсто́й, глупы́й — глупо́й, ди́кий — ди́кой, молодо́й — молодóй, родно́й — родны́й, холо́дно — холодно́, вёсело — весело́, тепло́ — тёпло.* Это собственно лексические различия.

Различия в месте ударения могут относиться к отдельным грамматическим формам. Часть таких различий характеризует принадлежность данного слова к морфологическому типу с подвижным ударением (акцентная парадигма *с*), или неподвижным на основе (акцентная парадигма *а*), или на окончании (акцентная парадигма *в*): *вода́, во́ду — вода́, воду́; рука́, ру́ку — рука́, руку́; коза́, козу́ — коза́, козу́; смотре́ю, смотре́шь — смотре́ю, смотре́шь; кошу́, ко́шишь — кошу́, ко́шишь; курю́, ку́ришь — курю́, ку́ришь — ку́рю, ку́ришь.*

Различия в месте ударения отдельных грамматических форм могут носить и чисто морфологический характер. Так, глаголы с постоянным ударением на окончании могут в форме 2-го л. мн. ч. изъявительного наклонения иметь ударение на первом или втором гласном окончании: *несёте (несёте), сидíte — несете́ (несетё), сидите́ (сидитё)*; местоимения *никто, ничто* могут в формах род. и дат. п. также иметь ударение на первом или на втором гласном окончании: *нико́го, ниче́го, нико́му, ниче́му — нико́го, ничо́го, нико́му, ничо́му.*

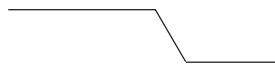
§ 15. Интонация. И н т о н а ц и я — суперсегментная единица, объединяющая фонетические слова в фонетические синтагмы и фонетические синтагмы во фразы.

Основным интонационным средством является повышение и понижение тона в разных точках фонетической синтагмы и фразы. Д и а п а з о н изменения тона от крайнего нижнего уровня к крайнему верхнему может быть у говорящих различным в разных говорах. От литературного языка многие севернорусские говоры отличаются бóльшим диапазоном изменения тона, а южнорусские — меньшим. Поэтому севернорусская речь часто более напевна, а южнорусская — более монотонна.

Существует несколько типичных тональных контуров (ТК) — движений тона на протяжении фонетической синтагмы. Они являются одним из средств интонационных конструкций (ИК), которые характеризуются кроме тональных контуров также количественно-динамическими и тембровыми средствами. В каждом ТК есть его центр — слог, на который падает главное ударение фонетической синтагмы (в приведенных ниже

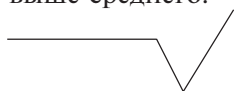
примерах он выделен), во многих ТК здесь происходит наиболее значительное изменение тона.

В литературном языке и многих говорах при утверждении тон в центре ТК резко понижается и сохраняется низким в постцентральной части, это ТК-1, представляющий ИК-1:

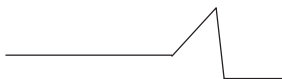
Андрей на заводе был.

Во многих севернорусских говорах и в некоторых западных южнорусских при утверждении используется другой тональный контур — ТК-4 (представляющий ИК-4), при котором в центре происходит нисходящее движение тона, а в постцентральной части — восходящее до уровня выше среднего:

Андрей на заводе был.

Для оформления общего вопроса, т. е. вопросительного предложения без вопросительного слова, в литературном языке и многих говорах используется ТК-3 (представляющий ИК-3), при котором в центре тон резко повышается, а в постцентральной части понижается ниже среднего уровня:

Андрей на заводе был?

При отсутствии постцентральной части, как и при ее наличии, в таком вопросительном предложении в литературном языке повышение тона начинается с начала центра ТК:

Андрей был?

Во многих севернорусских и некоторых западных южнорусских говорах при оформлении общего вопроса употребляется разновидность ТК-2 (которая встречается и в литературном языке, где может использоваться, в частности, для обозначения эмоционально выраженного удивления). Эта разновидность ТК-2 характеризуется тем, что в предцентральной части и в центре тон почти на одном уровне, а основное его изменение происходит в начале постцентральной части, где тон резко повышается и остается высоким:

Андрей на заводе был?

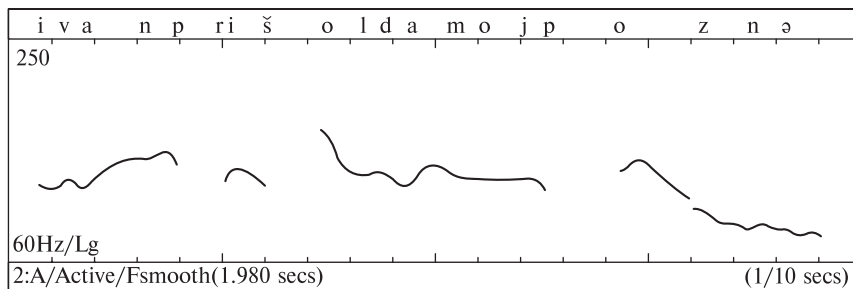
При отсутствии постцентральной части в этом случае повышение тона начинается в конце гласного центра:

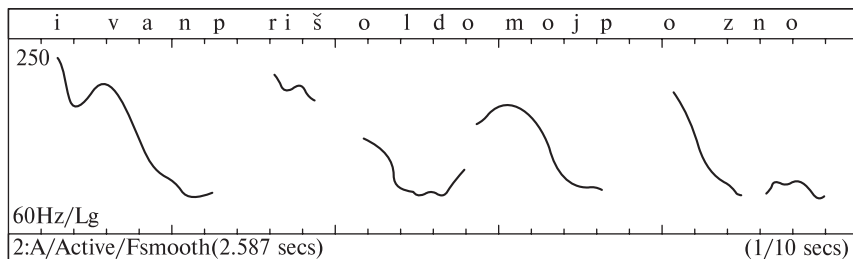
Андрей был?

Таким образом, одни и те же синтаксические конструкции могут оформляться в разных говорах разными ТК.

Интонация помогает членить речевой поток на отрезки — фонетические синтагмы и фразы. Но сами эти отрезки в разных говорах бывают неодинаковы. Во многих севернорусских говорах существует тенденция превращать каждое фонетическое слово в отдельную фонетическую синтагму. В этих говорах каждое фонетическое слово интонационно оформлено: оно начинается с более высокого тона, который к концу слова понижается.

a

б

Интонограммы фразы *Иван пришел домой поздно*: а) в литературном языке; б) в архангельском говоре.

§ 16. Темп речи. В разных ситуациях люди говорят то быстрее, то медленнее. Есть различия и в индивидуальном темпе, характеризующем речь отдельных лиц. Однако исследования темпа речи разных представителей одного и того же говора обнаружили, что можно говорить о среднем темпе речи одного говора. Измеряется он средним количеством звуков, произносимых в секунду. При этом одни и те же слова с одним и тем же количеством звуков в разных говорах могут произноситься в сходных ситуациях с разной скоростью: в одних говорах быстрее, в других медленнее. Объясняется это тем, что между говорами существуют различия в темпе речи.

Наиболее быстрый темп отмечен в севернорусских говорах с ритмической структурой слова типа 1-1-3-1 и 2-2-3-2. Средний темп здесь составляет 17 звуков в секунду. Но при ускоренном темпе речи здесь может произноситься до 22 звуков в секунду, при замедленном — до 12. Речь представителей такого говора звучит, как скороговорка.

Наиболее медленный темп в среднерусских говорах с растяжкой первого предударного гласного типа 1-3-3-1. Средняя скорость речи здесь 12 звуков в секунду, а ее колебания могут быть от 8 до 16 звуков в секунду.

Темп речи остальных говоров может приближаться к одному из этих двух типов либо быть средним между ними.

СЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

ВОКАЛИЗМ

Характер диалектных различий в области вокализма и консонантизма. Диалектные различия в области вокализма (системы гласных, от лат. *vokalis* ‘гласный’) и консонантизма (системы согласных, от лат. *consonans* ‘согласный’) могут касаться:

1) состава фонем: двум фонемам одного говора соответствует одна фонема другого говора;

2) системы фонем: а) данная позиция в одном говоре является для ряда фонем сигнификативно сильной: в этой позиции данные фонемы различаются, а в другом говоре она слабая: в этой позиции происходит совпадение, нейтрализация этих фонем; б) некоторые фонемы противопоставлены в одном говоре по одному дифференциальному признаку, а в другом говоре по другому;

3) функциональной нагрузки фонем: одни и те же морфемы могут в своем составе иметь в одном говоре одну фонему, а в другом говоре другую;

4) звукового облика фонем: одна и та же фонема в разных говорах может быть представлена разными звуками.

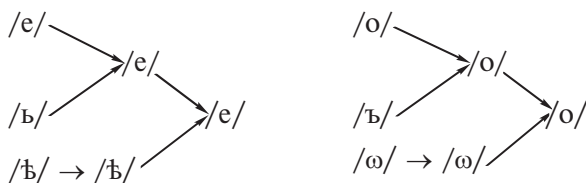
УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

§ 17. Сильная позиция для гласных фонем во всех говорах.

Состав гласных фонем в разных русских говорах неодинаков. Сильной позицией, в которой различается наибольшее количество гласных фонем, является положение под ударением перед твердым согласным. В этой позиции в русском литературном языке и во многих русских говорах выделяется 5 гласных фонем: /и/, /у/, /е/, /о/, /а/. В других говорах гласных фонем может быть больше.

§ 18. Фонемы /е/, /о/, /ѣ/, /ѡ/. Фонемы /е/ и /о/ в русском литературном языке и в большинстве говоров с пятифонемной системой гласных под ударением представлены звуками среднего подъема [e] и [o]: л[е]с, в[ѣ]ра, от[ѣ]ц, в[е]рх, [ѣ]тот (этот); к[о]т, кор[о]ва, з[о]д, с[о]н.

Фонемы /е/ и /о/ литературного языка и говоров с пятифонемной системой гласных возникли из четырех фонем предшествующей системы, включавшей семь фонем: /е/ из /е/ и /ѣ/ («ять»), /о/ из /о/ (называемой по одной из реализаций «о открытым») и /ѡ/ (называемой по одной из реализаций «о закрытым»). В этих говорах с пятифонемной системой гласных, как и в литературном языке, фонемы /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѡ/ совпали, перестали различаться. В некоторых же русских говорах различие /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѡ/ сохраняется. Эта семифонемная система сложилась в свою очередь на основе девятифонемной системы древнерусского языка после паде-

ния редуцированных гласных /ѣ/ и /ѡ/, когда /ѣ/ совпала с /о/ «открытым», а /ѡ/ — с /е/.

В говорах, различающих /е/ и /ѣ/, /о/ и /ѡ/, фонемы /ѣ/ и /ѡ/ могут реализоваться дифтонгами [иѣ] и [уѡ], у которых изменение тембра происходит за счет понижения подъема гласного: л[иѣ]с, л[иѣ]то, в[иѣ]ра, св[иѣ]т, с[иѣ]но, хл[иѣ]б; к[уѡ]т, кор[уѡ]ва, дв[уѡ]р, мн[уѡ]го, сел[уѡ]. В некоторых же говорах типичными представителями /ѣ/ и /ѡ/ являются [ѣ] и [ѡ] — гласные верхне-среднего подъема, при образовании которых язык занимает в ротовой полости более высокое положение, чем при образовании [е], [о]: л[ѣ]с, в[ѣ]ра, хл[ѣ]б; к[ѡ]т, кор[ѡ]ва, сел[ѡ]. Звуки [ѣ] и [ѡ] называ-

ют «е закрытым» и «о закрытым», так как при их образовании рот более закрыт, чем при образовании [e], [o]¹.

В говорах, различающих /e/ и /ɘ/, /o/ и /ɔ/, фонемы /e/ и /o/ могут реализоваться звуками [e], [o], или [ɛ], [ɔ], или [ɛ̃], [ɔ̃]: в[e]рх, от[ɛ̃]ц; з[ɔ]д, з[ɔ́]лото, или в[ɛ]рх, от[ɛ́]ц; з[ɔ̃]д, з[ɔ́]лото, или в[ɛ̃]рх, от[ɛ̃]ц; з[ɔ̃]д, з[ɔ̃]лото. Звуки [ɛ], [ɔ] — гласные среднего-нижнего подъема. При их образовании язык занимает в ротовой полости более низкое положение, а рот открыт шире, чем при образовании [e], [o]. Поэтому звуки [ɛ], [ɔ] называют «е открытым» и «о открытым». Кроме того, [ɔ] характеризуется меньшей огубленностью, т.е. меньшим напряжением и вытянутостью губ, чем у [o]. У дифтонгов [ɛ̃], [ɔ̃] изменение тембра происходит за счет повышения подъема гласного.

Различие между гласными звуками, представляющими фонемы /ɘ/ и /e/, в некоторых говорах сопровождается различием согласных, предшествующих этим гласным: перед /ɘ/ произносятся мягкие согласные, а перед /e/ — твердые или полумягкие: [в'и̃]ра, [в'э]ра, но [вэ̃]рх, [вэ]рх, [вэ̃]рх или [в'э̃]рх, [в'э]рх, [в'е]рх.

В говорах, различающих /e/ и /ɘ/, в одних морфемах, корневых и аффиксальных, выступает фонема /e/, а в других морфемах — фонема /ɘ/. На месте этих фонем произносятся разные звуки: от[ɛ̃]ц или от[ɛ́]ц, от[ɛ́]ц, но т[и̃]ло или т[ɛ́]ло; с[ɛ̃]рп или с[ɛ]рп, с[ɛ]рп, но с[и̃]рый или с[ɛ́]рый. А в говорах с одной фонемой /e/ на месте /e/ и /ɘ/ в тех же морфемах произносится один и тот же гласный звук. Точно так же в говорах, различающих /o/ и /ɔ/, в одних морфемах выступает /o/, а в других — /ɔ/: л[о̃]б или л[ɔ̃]б, л[о]б, но л[о̃]дка или л[ɔ́]дка; ведр[о̃]м или ведр[ɔ́]м, ведр[ɔ́]м, но ведр[о̃] или ведр[ɔ́]; слеп[о̃]й или слеп[ɔ́]й, слеп[ɔ́]й старик, но у слеп[о̃]й или слеп[ɔ́]й старухи. А в говорах с одной фонемой /o/ на месте /o/ и /ɔ/ в тех же морфемах произносится один и тот же гласный звук.

§ 19. Состав гласных фонем. Известны русские говоры, в которых сохранилось различие /e/ и /ɘ/, но на месте /o/ и /ɔ/ выступает одна фонема /o/. Таким образом, в русских говорах может быть пять гласных фонем — /и/, /у/, /e/, /o/, /а/, шесть — /и/, /у/, /ɘ/, /e/, /o/, /а/ и семь — /и/, /у/, /ɘ/, /ɔ/, /e/, /o/, /а/.

В говорах этих типов, как и в литературном языке, на месте одних и тех же гласных фонем произносятся разные звуки в зависимости от соседства твердых или мягких согласных. Так, фонема

¹ В русских диалектологических работах для обозначения закрытых гласных [e] и [o] употребляются кроме знаков современного Международного фонетического алфавита [ɛ], [ɔ] также прежние знаки МФА [ɛ], [ɔ] или еще более ранние — [ê], [ô]. «Крышка» над буквой использовалась в транскрипции также для обозначения напряженного гласного.

/а/ реализуется звуком [а] после твердых согласных и [·а] после мягких: *сто*[лá] — *ко*[н·á]; фонема /и/ реализуется звуком [и] после мягких согласных и звуком [ы] после твердых: *го*[н·й] — *дер*[жб́]. Разные гласные звуки относятся в этих случаях к одной фонеме, потому что они выступают в разных позициях, позиционно чередуются.

В некоторых вологодских говорах не сформировалось противопоставление согласных по твердости/мягкости (см. § 50). Здесь произносятся твердые согласные не только перед [ы], но и перед [и]: [сй]мо — [сы]мо, [пй]ли — [пы]ли. Выступая в одной и той же позиции, звуки [и] и [ы] здесь представляют разные фонемы /и/ и /ы/, противопоставленные по ряду. В таких говорах звук [и] сдвинут в передне-средний ряд (как в украинском языке), а [ы] в задний ряд. В соответствии со звуками [·а], [·о], [·у] литературного языка, которые произносятся после мягких согласных, здесь могут произноситься дифтонги [еá], [ео́], [иу́] или гласные передне-среднего ряда [á], [о́], [у́] после твердых согласных: *ме*[неá] или *ме*[нá] (*меня*), *рас*[тео́]т или *рас*[тó]т (*растёт*), *в*[сиу́] или *в*[су́] (*всю*). Эти звуки являются представителями особых фонем /а/, /о/, /у/, противопоставленных фонемам /а/, /о/, /у/ по ряду; ср.: *сос*[неа]к (*сосняк*) — *сос*[на́], *ле*[та́]т (*летят*) — *ле*[та́]ть. Таким образом, в этих говорах система гласных включает 12 фонем: /и/, /ы/, /у/, /у/, /ѣ/, /е/, /ѡ/, /ѡ/, /о́/, /о́/, /а́/, /а́/.

§ 20. Система гласных фонем. В русских говорах при отсутствии различий в составе фонем могут наблюдаться различия в системе фонем, т. е. в их взаимоотношениях друг с другом.

1. Большинству севернорусских говоров известно чередование на месте ъ звуков [е] ([иѣ], [ѣ]) с [и] в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного: (С'еС || С'иС': [с'э́н]о ([с'иѣ́н]о, [с'э́н]о) — *на* [с'и́н·]е; *хл'э́б]а* (*хл'иѣ́б]а*, *хл'э́б]а*) — *хл'и́б·]еи*; [б'э́л]ый ([б'иѣ́л]ый, [б'э́л]ый) — [б'и́л·]енький; *о[д'э́н]у* (*о[д'иѣ́н]у*, *о[д'э́н]у*) — *о[д'и́н·]еш*, а также [в'и́н·]ик (*веник*), [м'и́с·]яц (*месяц*), *поне[д'и́л·]ник* и др.

Фонемы	Позиции	
	С'ГС	С'ГС'
/ѣ/	[иѣ́], [ѣ]	[и]
/и/	[и]	

Такое чередование представляет собой результат перехода [иѣ] в [и], происшедшего в новгородском диалекте древнерусского языка перед слогом с гласным переднего ряда.

В говорах, знающих это чередование и сохранивших фонему /ѣ/, в позиции С'ГС' происходит совпадение, нейтрализация фонем /ѣ/ и /и/ в звуке [и]: [т'иѣ́]о ([тѣ́]о) — *в* [т'и́]е и [м'и́р] — *в* [м'и́р]е.

В этих говорах звук [и] в позиции С'ГС' в одних морфемах представляет фонему /ѣ/, в других морфемах — фонему /и/.

В говорах, не знающих такого чередования, фонемы /ѣ/ и /и/ различаются и в позиции С'ГС, и в позиции С'ГС': [т'иел']о ([т'ѣл']о), в [т'иел']е (в [т'ѣл']е) — [м'ир], в [м'ѣр']е. Звук [и] в позиции С'ГС' является здесь представителем только фонемы /и/.

В говорах с пятифонемным составом гласных фонем чередование [е] || [и] на месте прежней фонемы /ѣ/ в позициях С'ГС || С'ГС' отражает чередование фонем /е/ || /и/: *тѣло* — в *тѣлѣ*.

В отдельных среднерусских говорах с пятифонемной системой гласных фонем [и] между мягкими согласными может произноситься не только на месте прежней фонемы /ѣ/, совпавшей здесь с /е/, но и на месте прежней фонемы /е/ (возникшей из древнерусских /е/ и /ь/): [д'ин'] (*день*), [п'ин'] (*пень*), [д'ѣв']ять, [д'ѣс']ять, [с'ѣл']ский.

2. Многим севернорусским говорам известно чередование [а] после мягкого согласного перед твердым с [е] между мягкими согласными, т. е. С'аС || С'еС': *ѣр'ѣз']ный* — по *ѣр'ѣз']и*, [п'ѣт']ый — [п'ѣт']ница, *ѣл'ѣн']у* — *ѣл'ѣн']ет*, *ѣл'ѣл']а* — *ѣл'ѣл']и*, *в[с'ѣк']ого* — *в[с'ѣк']ие*, а также *п[р'ѣн']ик*, [ц'ѣй']ник (*чайник*), [д'ѣд']ина (*дядина*) и др. В таких говорах возникла поговорка: *Не до обѣдни, коли много обрѣдни*.

Фонемы	Позиции	
	С'ГС	С'ГС'
/а/	[а]	[е]
/е/	[е]	

В говорах, знающих это чередование, в позиции С'ГС' происходит совпадение, нейтрализация фонем /а/ и /е/ в звуке [е]: *в[з'ал]* — *в[з'ѣл']и* и *к[р'ѣс]т* — *к[р'ѣс']тик*.

В этих говорах звук [е] в позиции С'ГС' в одних морфемах представляет фонему /а/, в других морфемах — /е/.

В прошлом на месте этих чередующихся гласных [а] || [е] произносился дифтонг [ѣа], который и сейчас обнаруживается в архаических говорах. Перед слогом с гласным переднего ряда [ѣа] изменялся в [е], в других позициях — в [а].

В говорах, не знающих чередования С'аС || С'еС', фонемы /а/ и /е/ различаются и в позиции С'ГС, и в позиции С'ГС': *в[з'ал]*, *в[з'ѣл']и* — *к[р'ѣс]т*, *к[р'ѣс']тик*. Звук [е] в позиции С'ГС' представляет здесь только фонему /е/.

§ 21. Сфера употребления гласных фонем. В русских говорах при отсутствии различий в составе и системе фонем могут наблюдаться различия в сфере употребления тех или иных фонем, что отражается на их функциональной нагрузке — количестве морфем, где выступают эти фонемы.

1. В некоторых говорах, знающих произношение [и] между мягкими согласными на месте /ѣ/, встречается произношение [и] на месте /ѣ/ и перед твердыми согласными: л[и́]то, м[и́]сто, б[и́]лка, хл[и]б, д[и]д, см[и]х, н[и]т. В этих случаях на месте прежней фонемы /ѣ/ выступает фонема /и/. Отдельные примеры такого произношения могли возникать в результате действия аналогии: в[и́]тры по аналогии с в[и́]тер, н[и]л (пел) по аналогии с н[и]ть, н[и́]ли, н[и́]сня (петь, пели, песня). Подобные примеры отмечаются на территории почти всего Северного наречия. Более последовательно это явление встречается в некоторых новгородских говорах, где изменение /ѣ/ > /и/, как полагают некоторые историки русского языка, носило фонетический характер.

В некоторых говорах, знающих произношение [е] между мягкими согласными на месте /а/, встречается произношение [е] на месте /а/ и перед твердыми согласными, где [е] является представителем фонемы /е/. Подобные примеры возникали в результате действия аналогии: [е] из позиции С'ГС' переносился на место [а] в позиции С'ГС: з[р'э́з']и, з[р'э́с'] (грязь) и з[р'э́з']ный; [л'э́г']ешь, [л'э́г']ет и т. д. и [л'э́г']у.

2. В говорах русского языка, как и в литературном языке, наблюдаются результаты проходившего в прошлом процесса изменения [е] в [о] перед твердым согласным: о[в'о́с], бе[р'о́з]а, ве[с'о́л]ый, при[н'о́с], те[л'о́н]ок. Но в некоторых говорах этот процесс не происходил или был непоследовательным, в результате чего в современных говорах в таких словах произносится [е]: о[в'э́с], бе[р'э́з]а, ве[с'э́л]ый, при[н'э́с], те[л'э́н]ок. Нередко в таких говорах перед [е] произносится и немягкий согласный — твердый или полумягкий: о[в'э́с] или о[в'э́с], бе[р'э́з]а или бе[р'э́з]а.

Говоры с последовательным отсутствием перехода [е] в [о] в настоящее время уже не встречаются. Широко распространено в говорах Южного наречия и встречается в некоторых севернорусских говорах произношение ударного [е] в окончаниях глаголов I спр.: ид[э́]м, нес[э́]м, ид[э́]ш, нес[э́]ш и т. п. при обычном [о] в других морфемах: о[в'о́с], те[л'о́н]ок и т. п. В корнях и суффиксах [е], не перешедший в [о], отмечается обычно лишь в отдельных словах.

Замена [е] на [о] могла происходить не фонетическим путем, а по аналогии. Так, в говорах, знающих непереход [е] в [о], произносится [о] в тех окончаниях и суффиксах, где [о] выступает и после твердых согласных: жиль[о́], ко[н'о́]м, уго[л'о́]к, как се[л'о́], дво[ро́]м, ку[с'о́]к. Под влиянием таких форм, как *той, одной*, возникло широко распростра-

ненное в говорах произношение форм местоимений *мо[ʝó]й, тво[ʝó]й, сво[ʝó]й*.

В говорах, различающих /e/ и /ѣ/ и переживших переход [e] в [o], сфера употребления /e/ ограничивается небольшим кругом лексики. Это отдельные слова иноязычного происхождения (*лента, газета* и т. п.), в том числе и церковнославянизмы (*крест, небо* — в противоположность русизмам *крѣстный, нѣбо* и др.), некоторые приставки (*бѣздарь, перѣвранный, нѣкогда*) и слова, в которых [e] не изменился в [o] благодаря положению перед поздно отвердевшим согласным (*серп, пѣрвый, деревѣнский*).

3. Русские говоры, знающие /o/ и /ω/, различаются по некоторому набору морфем, в которых в одних говорах выступает /o/, в других — /ω/. Такие колебания между /o/ и /ω/ по говорам могут быть под ударением в корнях слов *воин, вол, дрозд, плоть, покров, ровный, сорок, тот* и некоторых других, а также в окончаниях: 1) -o им. п. ед. ч. существительных среднего рода типа *селó* и глаголов прошедшего времени среднего рода типа *зашлó*; 2) -oю (-ой) тв. п. ед. ч. существительных, прилагательных и личных местоимений типа *женóю, злóю, мнóю*; 3) -огó, -егó род. п. ед. ч. местоимений типа *тогó, егó*.

4. В одних южнорусских говорах выступает /a/, в других /o/ в таких словах, как *вáришь — вóришь, тáщишь — тóщишь, вáлишь — вóлишь, кáтишь — кóтишь, плáтишь — плóтишь, лóвишь — лáвишь, сóлишь — сáлишь* и др.

Возникло это диалектное различие тогда, когда древнее неподвижное ударение на окончании в формах настоящего времени этих глаголов стало в части говоров заменяться подвижным ударением. Обусловлено было появление этой диалектной черты аканьем — совпадением /o/ и /a/ в первом предударном слоге в одном звуке (см. § 25). Когда в формах *в[а]рíшь, с[а]лíшь* и др. ударение передвигалось на корень, говорящие должны были заменить предударный гласный [a] ударным [a] или [o]. В одних случаях этот выбор говорящими ударного гласного соответствовал его этимологии, в других случаях нет.

5. Во многих западнорусских говорах, а также в говорах, распространенных возле Онежского озера, на месте [o] перед /j/ встречается произношение [ы] и [э] (после [г], [к], [х] возможны [и] и [е]): *м[ы́]ю, р[ы́]ю, молод[ы́]й, худ[ы́]й, т[ы́]й (тот), так[ы́]й, глух[ы́]й* или *м[э́]ю, р[э́]ю, молод[э́]й, худ[э́]й, т[э́]й, так[э́]й, глух[э́]й (ма[к'э́]й, глу[х'э́]й)* и т. п.

§ 22. Качество звуков, представляющих одни и те же фонемы.

Диалектные различия могут быть связаны с качеством звуков, представляющих одни и те же фонемы в одних и тех же позициях. Так, в говорах с пятифонемной системой гласных фонемы /e/, /o/ обычно бывают представлены звуками [e], [o], но в некоторых из этих говоров — звуками [ɛ], [ɔ] или [ɛ], [ɔ]. Основными представителя-

ми фонем /ъ/, /о/ в одних говорах являются дифтонги [иъ], [уо], в других — монофтонги [ѣ], [о]. Основными представителями фонем /е/, /о/ при семифонемной системе гласных в одних говорах являются дифтонги [ѣи], [оу], в других — монофтонги [ѣ], [о], в третьих — [е], [о]. Фонемы /а/, /о/, /у/ после мягких согласных могут быть представлены, как и в литературном языке, звуками [ʼа], [ʼо], [ʼу] с очень кратким [и]-образным начальным элементом: [мʼи́а]со, [лʼи́о]н, [нʼи́у]х. В архаических южнорусских говорах в этом положении возможны дифтонги [и́а], [и́о], [и́у]: [мʼи́а]со, [лʼи́о]н, [нʼи́у]х. Звук [ы] в одних говорах среднего ряда, в других отодвинут в задний ряд — [ы́].

БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

§ 23. Условия, влияющие на количество и качество безударных гласных. Значительное разнообразие систем безударного вокализма в русских говорах связано с различием разного количества гласных и с их качеством в различных позициях.

Основными условиями, влияющими на количество и качество безударных гласных, являются соседство этих гласных и их положение по отношению к ударению. Так, на реализацию гласного влияет характер стоящих перед и после него согласных: твердые они или мягкие, шипящие или нет, а также положение гласного в абсолютном начале слова (т. е. в неприкрытом начальном слоге) и в абсолютном конце слова (т. е. в конечном открытом слоге). Наибольшее число диалектных различий наблюдается в первом предударном слоге, есть особенности произношения гласных и в других безударных слогах.

В безударном положении может различаться меньше гласных, чем под ударением. Так, не имеют своих особых реализаций в этих позициях фонемы /о/ и /ъ/; фонема /о/ совпадает в одном звуке с /о/, фонема /ъ/ (выступающая только после мягких согласных) совпадает с /е/ или /и/.

ГЛАСНЫЕ ПЕРВОГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 24. Оканье. Основными типами безударного вокализма являются оканье и аканье. *О к а н ь е* — наиболее характерная черта Северного наречия, *а к а н ь е* — Южного наречия.

Оканье в широком смысле — различие в безударных слогах хотя бы части гласных фонем неверхнего подъема. Оканье в узком смысле — различие в безударных слогах после твердых согласных фонем /о/ и /а/, произношение безударного звука [о] на месте

/o/ (и /ω/) и звука [a] на месте /a/: в[о́]ды — в[о]да́, сн[о]н (сн[у]н), сн[о́]н — сн[о]на́ и тр[а́]вы — тр[а]ва́.

Оканье	На месте фонем	Гласный первого предударного слога
	/o/, /ω/ /a/	[o] [a]

Вместо безударного [o] может произноситься в одних говорах более закрытый звук [ɔ], иногда совпадающий с [y], в других — более открытый [ɔ], в третьих — гласный среднего ряда среднего подъема [э]: в[ɔ]да́, в[y]да́, в[ɔ]да́, в[э]да́.

В некоторых словах в первом предударном слоге под влиянием акающего литературного произношения установилось правописание буквы *a* на месте этимологического *o*: *расска́з, рабо́та, расту́* (ср. *ро́сказни, хлеборо́б, рост*), *барáн, забóта, стака́н* и др. В окающих говорах эти слова произносятся с предударным [o]: *р[о]ска́з, р[о]бо́та, р[о]сту́, б[о]ра́н, з[о]бо́та, ст[о]кан* и др.

В некоторых окающих говорах в отдельных словах отмечается произношение предударного [o] на месте этимологического *a*: *з[о]бо́р, д[о]лёкий, рук[о]ва́, ск[о]за́ть, д[о]ва́ть* и др.

Вытеснение в этих словах предударного [a] звуком [o] объясняют значительным преобладанием в потоке речи слов с предударным [o] по сравнению с [a], а также стремлением говорящих оградить нормы диалекта от воздействия акающего литературного произношения, в результате чего увеличиваются различия между этими типами вокализма.

§ 25. Аканье. Аканье в широком смысле — это неразличение гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах, в узком смысле — неразличение /o/ и /a/ в безударном положении после твердых согласных при совпадении их в части позиций в звуке [a].

Есть два основных типа аканья: диссимилятивное и сильное (недиссимилятивное). Диссимилятивное аканье распространено в западной части Южного наречия и в Чухломском акающем острове Костромской области. Большинство остальных акающих говоров, как и литературный язык, характеризуются сильным аканьем.

При сильном аканье /o/ и /a/ совпадают в первом предударном слоге всегда в [a] (точнее в [a̠], в ином обозначении [a^ɔ] или [a^b], т. е. в звуке несколько более закрытом, чем ударный [a]): *с[о́]вы, тр[а́]вы — с[a]ва́, с[a]ва́, с[a]ва́ и тр[a]ва́, тр[a]ва́, тр[a]ва́.*

При диссимилятивном аканье на месте /o/ и /a/ произносится в первом предударном слоге звук [a] или [э] в зависимости от того, какой гласный под ударением. Принцип диссимиляции заключается в том, что перед ударным гласным нижнего подъема не может быть гласный того же подъема: перед ударным [a] произносится гласный среднего подъема [э] (иначе говоря, если под